

Люди, о которых пойдет речь, были хорошо известны, любимы и почитаемы. Величайшие актеры, они чрезвычайно серьезно относились к делу, которому служили, но почему-то эта серьезность совершенно не мешала ни шуткам, ни розыгрышам, ни анекдотическим происшествиям. Фаина Георгиевна Раневская... О ней уже столько писано-переписано. И тем не менее хочется вспоминать вновь и вновь эту удивительную артистку. Блистательная Любовь Петровна Орлова... Серафима Германовна Бирман... Она была некрасива, но необыкновенно хороша даже в самой маленькой роли. Я много лет работал с ней.

Геннадий Бортников

От великого до смешного

Актерам, занятым в спектакле, строго-настрого запрещалось отлучаться со сцены — стой за кулисами и жди следующего выхода. Я же, отыграв свой эпизод в «Дядюшкином сне», сбегал на балкон, чтобы специально посмотреть сцены Бирман. Она была неистова. Крупнейшая актриса, играющая крошечные эпизоды, но — как! Глаз невозможно было оторвать.

Или Любовь Петровна Орлова, женщина удивительной красоты. Героини ее в кино кажутся открытыми, прямо-таки распахнутыми, а сама она по натуре, наоборот, очень закрыта, дом ее был только для близких людей. Я пришел в театр, когда у нее было мало премьер, не просто найти достойную пьесу для кинозвезды — а именно так ее многие воспринимали. У меня премьер было больше, и Любовь Петровна неизменно дарила мне то веточки багульника, а то и темно-бордовую розу.

Вера Петровна Марецкая еще при жизни была возведена в ранг государственной женщины. Находилась в прекрасных отношениях с министром культуры Е. А. Фурцевой, всегда встречала ее на служебном входе, вела в буфет, перед просмотром они успевали выпить чашечку кофе. Наград у нее — целый иконостас на груди, если бы она все их надела. Но сильнее всего в ней была — Актриса. Будучи тяжело больной, перенесла сложнейшую операцию (и ожидая следующую!), убегала из больницы через дыру в заборе на премьеры любимовской Таганки.

А Ростислав Янович Плятт! Даже когда просто шел по шумной Тверской, в шляпе и с тростью, — он не мог затеряться в толпе. Во всем его облике было столько галантной изысканности, столько шарма!

И все же, повторяю, в коллективе с такими известными людьми постоянно происходило что-то забавное. Шутить можно было со всеми, даже с главным режиссером.

Каждую неделю наш мэтр Юрий Александрович Завадский проводил беседы с актерами. Явка была строго обязательна, присутствующих переписывали, опоздавших в зал не пускали, провинившихся ждал разнос. Мне тоже доставалось, потому что я часто опаздывал. А однажды взял да и явился раньше всех, спрятавшись за занавес. Все собрались, мэтр уже недовольно проворчал что-то в мой адрес... И — отвернулся. Я тихонько прошел на свое место и сел. Он повернулся, увидел меня и... очень обрадовался: можно больше не ругать. Не любил он этого — а приходилось...

...Гастроли в одной из братских стран. Банкет в честь московских артистов. Ждут президента. Проведя в ожидании часа два, присутствующие стали мало-помалу продвигаться к накрытым столам. И тут раздалось: «приехал, приехал», — появилась охрана, которая и стала решительно теснить всех, освобождая проход. Мы с Любовью Петровной Орловой оказались совсем близко к двери, и нас как-то уже совсем стиснули. Я возмущенно говорю одному из охранников:

— Что вы делаете? Вы что, не видите, что это великая Орлова? Помните: «Я из пушки в небо иду...»

— Где пушка? — закричал обезумевший охранник. И приналег на нас еще решительнее, так что мы оказались прижатыми к столу. Тут Любовь Петровна просит меня налить ей рюмочку коньяка. Выпив и топнув ножкой, произносит:

— А вот теперь, Гена, ни шагу назад! — И так горделиво, что охранник наконец отступил.

... В театре вечер. Я приглашаю Орлову на рок-н-ролл. Мы лихо отплясываем, и тут я вспоминаю, сколько ей лет! Участило спрашиваю:

— Простите, может быть, вы отдохнете?

— Ах так! — возмущенно восклицает она и останавливается. Ей аплодируют, а она на ходу небрежно бросает:

— Спасибо, спасибо. Я бы и еще не прочь, но Гена очень устал.

...31 декабря звонит Раневская.

— Геночка, поздравляю вас. — Фаина Георгиевна, а с кем вы встречаете Новый год?

— Вы знаете, Геночка, не одна. Эту ночь я проведу с молодым очаровательным мужчиной, да вы его знаете.

— ?..

— Это будет Евгений Онегин.

...Репетиции спектакля «Последняя жертва». Раневская играет Глафиру, я — Дульчина. А надо сказать, Фаина Георгиевна свою роль всегда аккуратно переписывала в тетрадку. На одну из репетиций она ее не взяла — забыла! Хотели уже послать машину за ней домой, но я говорю, что знаю ее реплики и буду в случае чего подсказывать. Все успокаиваются, и мы начинаем репетировать. Неожиданно я, подсказав ей реплику, забы-

— Выступает народная артистка СССР... Вера Петровна Орлова. Орлова уже на сцене, исправить ничего нельзя. Страшное волнение, ведущая в панике. Заканчивается выступление Ведущая подходит к микрофону и, как нарочно:

— А сейчас перед вами выступит Любовь Петоовна Марецкая! Вера Петровна выходит, берет за руку совершенно растерявшуюся Бруновскую и объясняет:

— Наш концерт ведет Серафима Германовна Бирман.

...В одном из спектаклей Плятт выступал в гриме: бороде и усах Мизансцена такая, что он стоит к зрителям в профиль, а к партнерше — лицом. Однажды он наклеил только один ус и половину бороды и в таком виде без пре-

торой мы опустошаем две бутылки, причем ему надо выпивать каждый раз по полной, а мне — лишь пригубить. Зная, что он человек по этой части крепкий, я решаю его разыграть: меняю в реквизиторской бутылки с водой на настоящую водку. И — о ужас — стоя за кулисами, слышу, что сразу после спектакля Леонида Засильевича будет ждать машина, потому что он с делегацией едет за рубеж! Мы выходим на сцену, я мимикой стараюсь предупредить его, не пью сам, но все бесполезно, он разливает первую бутылку, приступает ко второй, я хватаю его за руку и совершенно не по тексту говорю:

— Не пей!

— Буду! — упрямо отвечает он и залпом опустошает стакан. Глазом не моргнув.

За кулисами ко мне подсккивает возмущенная реквизиторша, долго ругает меня: что за выходки!

— А мы сразу удивились: чего-то ты делаешь возле бутылки? Проверили, твою гадость унесли, а нашу, реквизиторскую, вынесли и поставили.

Я от радости пускаюсь в пляс: переиграли мой глупый розыгрыш!

...Учился я тогда в Школе-студии МХАТа, бегу на занятия, вдруг слышу голос: «Это он!». И вижу трех здоровенных мужчин, устремившихся следом за мной. Пытаюсь оторваться, но оказываюсь в плотном кольце. Они предъявляют мою фотографию и говорят: «Точно он!». Уже собирается толпа любопытных. Я вырываюсь: «В чем дело?». Выясняется, что люди эти с «Ленфильма». Были в училище, взяли мою фотографию, решили пригласить на съемки! А я-то думал: нападение! Так началось мое знакомство с кино. В театре все же спокойнее. И веселее.

Записала

Т. ПЕТРЕНКО.

● Любовь Петровна Орлова.

Рисунок Г. Бортникова.

● «Я бы еще танцевала, но Гена устал».

Фото В. Петрусовой.

ваю свою! И Раневская ее подсказывает! А потом, обращаясь к режиссеру, предлагает:

— Пусть Гена играет сваху, а я, так и быть, сыграю Дульчина.

...Раневскую как-то спросили, с чем она могла бы сравнить Бирман. После некоторых раздумий она сказала:

— Бирман — это примус в степи.

...В театре вечер. Время близится к 12 часам ночи. Серафима Германовна Бирман собирается уходить. Я подаю ей пальто и говорю:

— Вы, как Золушка, ровно в полночь нас покидаете.

— Что вы, Гена, я давно уже зола от Золушки.

...Обычно после премьер приглашенные гости приходили за кулисы. Собирались артисты, велись разговоры. Марецкая появлялась в костюме героини и, как всякая женщина, стремилась выглядеть молодо. И вот однажды объявляется ее маленький сын Женя, а он рослый — в свои 12 выглядел на все 17 — и баском зовет:

— Мама!

Все обернулись, но тут же услышали злое шепот Веры Петровны:

— Какая я тебе мама? Иди домой, мама будет дома.

...Гастроли в Болгарии. Творческий вечер артистов театра, которых зрители хорошо знают. Ведущая — артистка Эльвира Бруновская, волнуясь, объявляет:

дупреждения предстал перед Марецкой. Своим появлением он доставил массу «приятных» минут Вере Петровне, она от смеха не могла произнести ни слова. Тогда она решила отомстить и обошла его так, чтобы он был вынужден повернуться к зрителям лицом. Плятт, насколько не смущаясь, взялся за щеку рукой, закрывая незаклеенную сторону лица, и со словами: «Что-то у меня зуб побаливает» величественно удалился.

...Однажды Плятта разыграл я. После спектакля «Аплодисменты» мы устроили легкий «междусобойчик». Плятт читал стихи, предназначенные для сугубо узкого круга. А я в то время увлекался радиотехникой, всюду носил портативный магнитофон. В тот вечер он тоже лежал на виду в гримерной. Ростислав Янович закончил чтение, и тут кто-то сказал ему: а вот у Гены магнитофон, он, наверное, все записал. Дождавшись, когда все разошлись, Плятт кинулся ко мне:

— Сколько хочешь? Выкуп какой?

Мы с ним долго торговались, дошли до значительной суммы, и, когда ударили по рукам, я не выдержал, рассмеялся, одал ему совершенно чистую пленку. Мне, естественно, и в голову не пришло его записывать.

...Спектакль «Затейник». У нас с Леонидом Марковым длинная сцена, во время ко-